

Александр ГОРДОН: «Я пытался скрестить ужа и ежа»

СПРАВКА

Александр ГОРДОН родился 20 февраля 1964 года в поселке Белоусово Калужской области. В 1987 году окончил Театральное училище имени Б.Щукина, год работал в театре-студии имени Р.Симонова. В 1989 году эмигрировал в США. Работал в мастерских по ремонту техники, в пиццерии, на первом русскоязычном телевидении в Нью-Йорке – RTN, старшим корреспондентом в корпорации WMNB. В 1993 году создал компанию Wostok Entertainment, благодаря чему в 1994 году на канале ТВ-6 начала выходить его программа «Нью-Йорк, Нью-Йорк». В 1997 году вернулся в Россию. Был автором и ведущим программы «Частный случай» на канале ТВ-6. На ОРТ был соведущим программы «Процесс», автором и ведущим сериала «Собрание заблуждений». На радиостанции «Серебряный дождь» вел программу «Хмурое утро». С 2001 по 2003 год на НТВ вел программу «Гордон». В марте 2004 года состоялась премьера спектакля «Бесы» по роману Ф.Достоевского на сцене «Школы современной пьесы» в постановке Александра Гордона.

Так что считайте, что сигареты для меня – это как зарядка.

– Не первый год люди наблюдают хулу Гордона и Соловьева. Какая кошка между вами пробежала?

– Мы просто совсем разные люди. Ничто в образе жизни Володи не встречает у меня отклика, то есть дружить мы бы не могли по определению. Но с годами притерлись как-то друг к другу и сейчас, с удовольствием или без, я не знаю, здороваемся и парой слов перекидываемся. Хотя работать с ним было очень тяжело. Он лидер, эгоцентрик, очень любит соревновательный процесс, а я этого терпеть не могу. С чего доказывать кому-то, с кем-то соревноваться... Когда нам поставили условия, что мы должны были соревноваться, чтобы не утомляться, я уступил позиции и благополучно забыл об этом.

– Что, как вам кажется, вы умеете делать лучше всего и чему бы вам следовало научиться?

– Лучше всего я... Лучше всего я реагирую на быстро меняющиеся обстоятельства в процессе делания. У меня есть любимое наполеоновское высказывание: «Ввязаться в бой, а там видно будет». Так вот, в бою мне гораздо виднее, чем при планировании. Грубо говоря, умею и люблю импровизировать. Учиться нужно много, хотя времени нет. А учиться надо толерантности по отношению к инакомыслящим, стратегическому планированию, определенному равнодушию, которое граничит с мудростью. Но у кого и как учиться, я, честно говоря, не очень понимаю.

– Многих до сих пор интересует, заботились ли вы о телерејтинге, который решает практически все, задумывая полноточные диалоги в рамках передачи «Гордон»? Ставили какую-то особую цель?

– Понимаете, в чем дело – когда за полночь, то рейтинг как раз никакого значения не имеет. В этом смысле у меня был определенный карт-бланш, это, во-первых. Во-вторых, меня никогда не занимала режиссура в том смысле, как предугадывание того, кто будет твоим зрителем. Даже странно, что какие-то вещи у меня доводились до результата. Программа «Гордон» получилась такой, какой получилась, нашла свою аудиторию. Сейчас у меня нет возможности беседовать с учеными, теперь я об этом немного жалею. Зато появилась идея сделать что-то на радио с подобным контентом. Возможно, в конце сентября программа появится на одной из радиостанций. Диалоги же на ТВ задумывались как развлекательная передача. Кто-то смотрит бесконечные «кривые зеркала», кто-то – подобное моей программе. В ней главное не информация, которую можно получить в другом месте и форме, а эвристический момент озарения, когда человек не понимает, не понимает и вдруг: «Понял!». У него моментально возрастает самооценка, ему становится хорошо, и он чувствует, что жизнь прожил не зря. В этом основной допинг программы. А что касается какой-то просветительской цели... Взгляните, перед вами, наверное, единственный человек, который посмотрел все передачи «Гордон». Сказать, чтобы я стал умнее и образованнее, – нет, не стал.

Окончание. Начало на стр. 1

– Хожение в народ, в контексте русской истории, штука очень символическая, почти преддверие революции...

– Я хотел бы рассматривать это «хождение в народ» как попытку не допустить никакой революции. То, что у нас есть колоссальные внутренние проблемы и внешнее давление, думаю, никто отрицать не будет. И если население народом не станет, то России как страны не будет. Будут какие-то разные образования. Какими они будут? Прогнозов масса. Но в любом случае это будет не то, к чему мы привыкли, не то, что некоторые из нас любят и ценят. Если говорить лозунгами, то отечество в опасности. Вот за мной карта (показывает на занимающую добрую часть стены карту России). – «НИ!», там точечками отмечены те города, которые я должен посетить в ближайшие полтора месяца. Веду дневник, где я записываю разные региональные дела: с кем встречался, до чего договорился, какие вопросы задавали, почему не побили и так далее...

– Какие вопросы во время путешествий задают чаще?

– «Зачем приехал?», «Чего тебе надо?» После двух часов разговора начинают верить в то, что я приехал именно за тем, о чем говорю, а до этого как-то не очень. Наша цивилизация, так или иначе, была построена на доверии, поэтому хорошо, что за два-три часа оно, доверие, иногда восстанавливается у моих собеседников. Главная проблема в том, что люди не понимают основной вещи: когда я приезжаю и начинаю говорить: «Вот, ребята, я хочу создать движение...», мне в ответ: «Так, лозунги какие?». И когда я растерянно эти два часа объясняю, что я за этим, собственно, к вам и приехал, давайте, говорю, в процессе совместного «делания» придем к ответу, что это я к вам пришел за ответами, у меня их нет, тогда начинают немножко вникать, расслабляться и даже вместе о чем-то думать. «Деланием» я это называю пока условно, не буду открывать все карты. Сначала надо собраться в конце октября со всеми, с кем я уже встретился, и прийти к конкретной схеме, тогда все планы и озвучим. Столько раз к людям приходили с уже готовыми проектами, лозунгами и криками, что народ впал в социальный аутизм и перестал верить кому бы то ни было. Поэтому, используя свою узнаваемость по телевидению, близость к некоторой части нашего общества, я пытаюсь хоть что-то продать.

– Все это выглядит довольно странно, если учесть, что в послед-

ние годы у вас не было сколько-нибудь политических передач...

– Два с половиной года назад появилась заявка на передачу, которая скоро выйдет на Первом канале. Все это время передача пролежала под сукном на разных телеканалах, видимо, потому что не надо было, а теперь, видимо, стало надо. Появляется, как мне кажется, довольно тонкий инструмент, чтобы донести уже озвученные идеи для большого числа людей. Называется передача будет «Гордон 2030», и речь в ней пойдет о том, какой мы хотим видеть Россию в 2030 году. Подзаголовок – «Образ будущего». Обрисовать его, собственно говоря, я народ и прошу. Куда живем? Куда женщины должны рожать, если их так призывают к этому? «Нет попутного ветра кораблю, который не знает, в какую гавань он хочет приплыть», – когда-то сказал Монтень. Когда мы договоримся, куда плывем, то можно будет и курс менять, лавировать, обходить минные поля, измерять глубину, ловить по дороге рыбу. То есть должно быть какое-то целеположение, грубо говоря, стратегия. К сожалению, дальше, чем до 2008 года, мы подчас не думаем. Вообще говоря, есть два способа бытия любого субъекта – это рефлексивный, когда человек может остановиться и подумать над тем, что было, что происходит сейчас, что зарождается в будущем, и реактивный – это когда мы адекватно или не очень реагируем на мгновенные события вне всякого контекста. После перестройки мы находимся в реактивном мире, более-менее выживая, выставляя щиты, иногда пики, копы, пытаясь дожить до завтрашнего дня. Но ведь это скоро кончится – так страна жить не может.

– Не ругает нынешнее телевидение только ленивый, но с тем, что оно влияет на общественное мнение, никто не поспорит. К чему, на ваш взгляд, склоняет ТВ сегодня?

– У большинства на телевидении такой задачи нет. Кто-то выполняет чьи-то поручения. Другими движут собственные амбиции. Кто-то зарабатывает деньги, как я, например, а кто-то пытается изменить мир, но не знает, как. У нас не Америка, где существует культ телезвезд, в России к ним народ относится очень здраво. Он тебя при встрече по плечу похлопает, возьмет автограф, а в спину скажет все, что он о тебе думает. Я несколько раз слышал, что мне говорят в спину, поэтому никаких иллюзий по поводу телевизионных авторитетов не питаю. И потом, телевидение – это своеобразный рентген-аппарат, там очень трудно притворяться. Там ты есть тот, кто ты есть, ни больше, ни

меньше, поэтому ложь легко вычислить, а когда ты ее видишь, ни к чему тебя не склонить.

– Сами-то вы читаете газеты, смотрите телевизор, слушаете радио?

– Газеты и журналы я давно уже не читаю никакие, только если в самолете попадет что-нибудь. С радио у меня сложные отношения, не могу слушать в машине музыку. Очень сильно от нее устаю, да и вообще недолюбливаю. Поэтому вынужден слушать, когда говорят. А говорят у нас немногие, например, «Эхо Москвы». Но вот что и как они говорят, вызывает у меня восхищение. Получается, что Венедиктов – единственный мейнджер в стране, у которого с успехом получается сосать двух маток: с одной стороны, «Газпрома», с другой – Гусинского. Как это у него выходит, для меня загадка до сих пор. Но «Эхо», к сожалению, стало в последнее время предсказуемым, как переводчики газеты «Правда» в 70-м году. То есть ты включаешь и знаешь, где они будут говорить «за», а где «против». От этого интерес теряется. Телевизор я смотрю редко и в основном

У нас не Америка, где существует культ телезвезд, в России к ним народ относится очень здраво. Он тебя при встрече по плечу похлопает, возьмет автограф, а в спину скажет все, что он о тебе думает. Я несколько раз слышал, что мне говорят в спину, поэтому никаких иллюзий по поводу телевизионных авторитетов не питаю.

вечером, иногда фильмы – чем хуже, тем лучше, просто чудовищные фильмы люблю. Люблю новости разные. Глядя на них, понимаешь соотношение политических и социальных сил внутри страны, такая шарада, ребус. Очень люблю смотреть по телевизору футбол. Раньше комментировал его по радио, но сейчас в основном тихо матерюсь дома.

– Что же тогда скажете о радио, кино и театре, где вы также работали?

– Радио – это другое дело, гораздо более высокое, чем телевидение и футбол. На радио есть возможность вызвать такое количество образов и образных рядов, такое число слушателей... Если умело работать, то отсутствие картинки не обедняет, а, наоборот, обогащает. Поэтому радио – мой любимый жанр. Театр – это сложно, как, в общем-то, и кино. Не люблю ни то, ни другое как зритель, поэ-

тому не вижу смысла пытаться что-то там делать как профессионал. Поэтому из театра и кино я удалился.

– Но ведь перед отъездом в Америку вы уже однажды решили, что театр вам понятен и не интересен, хотя через какое-то время туда вернулись...

– Да, это был случай, когда я пытался скрестить ужа и ежа. Был проект театра «Школа современной пьесы» – те самые «Бесы» или, как он у нас назывался, «Одержимые». Проект был задуман как телевизионно-театральный. То есть часть его должна была идти как самостоятельная телепередача, но по ряду причин этого не получилось. Был лишь один эфир по радио «Эхо Москвы», тоже очень вяленький и слабенький. Потом это все превратилось в театральный проект. В общем, особого желания вернуться в театр у меня нет. Тем более времени становится все меньше, я же не молодое, старею даже, пора уже понять, на что время можно тратить, а на что нельзя. Вообще же в театре есть изрядный кайф – это и воплощение замысла, и то, как тебя понимают или не понимают актеры, и много

АЛЕКСАНДР ЯНОВ